

НАВЕРНОЕ

И живёт он в доме с крутым ремонтом,
а я завидую не по-детски,
покупаю себе шоколадку с лесным орехом,
надкусываю: оказывается – с грецким.
Вот же, думаю, гадость, ну что же за люди,
кругом подмена!

И отчего этот мир устроен
так не по-человечьи?

Поднимаюсь на свой этаж,
злость моя проникает в вечер.
Ангел останавливается за правым плечом
и записывает
наверное...

СТАРИК

Всё-то гложет его беспокойство.
За кого – разберёшь ли теперь?
За себя? За внезапного гостя?
Из-за ветра, открывшего дверь
в новый год,
в новый холод и муку? –
(а жена? ах, так рано ушла»!..) –

и прошу я за старшего друга:
Ангел дружбы, расправь два крыла!
Встань теперь за спиною тяжёлой,
чтоб не думал ни днесь и ни впредь,
будто жизнь его стала дешёвой,
будто надо ему умереть.
Я, наверное, буду вот так же
Беспокойно на юность смотреть...

* * *

Про стихи не говорят «последний»,
говорят «крайний».

Из разговора

Я не боюсь последнего стиха,
поскольку жизнь – поэзия по сути:
коряга, камень – знак на перепутье,
пчелы жужжанье в чашечке цветка...

Пока со мною небо и земля,
и колыханье трав, и звёзд свеченье,
поэзия – прощанье и прощенье
тому, что больше не исправлю я;

что, может быть, сопутствуют беде...
но выдохнешь беду и вдохом новым
простишь меня с моим неровным словом
и словом злым не помянёшь нигде.